

Секция III.

Диалектология русского языка

Структура диалектных нарративных текстов

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Коммуникативная диалектология, анализ диалектного текста, жанр воспоминание

Summary. The report deals with some methods of analysis the narrative dialectal texts.

1. В отделе диалектологии и лингвогеографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в рамках темы «Русская деревня XX века в рассказах ее жителей: язык, культура, личность» собран и расшифрован корпус современных диалектных текстов. Комплексное изучение языка, культуры и языковой личности лежит в русле общей тенденции к антропоцентричности лингвистических исследований конца XX – начала XXI в. Диалектные тексты, отражающие в большой степени традиционную народную культуру, представляют значительный интерес для такого подхода. Основные направления, которые могут способствовать разностороннему изучению народно-разговорной речи, намечены в работе В. Е. Гольдина «Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии». Введение в научный оборот нового корпуса диалектных текстов позволяет продолжить исследования в этом направлении.

Собранные тексты различны по тематике, жанрам, объему и территориальной принадлежности. Диалектный текст отличается своим репертуаром характеристик, специфических особенностей не только сугубо лингвистических, но и экстралингвистических, отражающих иные представления о мире, иную психологию, ассоциативный строй, поведенческие стереотипы в различных жизненных ситуациях, что позволяет говорить не просто о диалектном тексте, но о диалектном дискурсе.

2. Диалектные материалы в силу поставленных перед исследователями задач представляют собой устно-монологические повествовательные тексты: автобиографии говорящих либо наиболее интересные случаи из жизни, поучительные, драматические, смешные, курьезные сюжеты, описания обрядов и обычаев. Все эти рассказы могут быть охарактеризованы как воспоминания. Жанровые разновидности диалектных рассказов-воспоминаний в основном совпадают с теми, которые разработаны в коммуникативной лингвистике М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой: рассказ-повествование, рассказ-случай, рассказ-пластинка.

3. При анализе диалектного текстового пространства возможно использовать подход, предложенный в трудах Г. А. Золотовой, где выделены такие композиционные единицы текста, как коммуникативные регистры – изобразительный (репродуктивный), информативный, генеритивный. Отнесенность к регистру в первую очередь зависит от пространственно-временной позиции говорящего и видо-временных форм глагола. Большинство диалектных текстов, исследованных нами, демонстрирует преобладание изобразительного типа речи (репродуктивно-повествовательного и репродуктивно-описательного регистров), что сближает монологическую народно-разговорную речь с художественным текстом.

4. В качестве примера приведем рассказ-повествование, который был записан авторами в Нижегородской обл. в 2002 г. от Валентины Ивановны Маряевой (1931 г. р.).

Плаванье на соймах¹

Жалко мне того времени, очень даже жалко. Вот все бы вернулось!

Я ведь все умею. И пилот умею командовать – на пилорамах все делала, бревна-ти катала. Мы плавали на соймах. Из лесу делали плоты, а на этих плотях были избы поставлены, спать-ту. Ведь до Козмодемьянска-то не близко: сперва Ветлугой плывешь, потом Волгой плывешь. По Волге, по

Волге до Козмодемьянска едешь. Вот наша Ветлуга – она черная, а Волга – белая, прямо рубец². И вот на этом рубце умывались. Все говорят, что там надо умываться.

А когда плывешь, деревни такие хорошие стоят, кричат нам все, хулиганят³. А на этой сойме были якоря и колеса, за эти колеса берешь и ходишь хороводом, песни поешь. Далеко слышать! Интересно было. До замужества было так.

На пристани, помню, с одним мужиком так плясала, так плясала. Мы слезли на ночевку. Там был базар, а есть-то нечего было. Капуста вот на базаре да пряники. Так вот капуста серая, а есть охота. Все, что наберешь с собой, съедаешь за дорогу. Кормили хорошо потом. Всего за триста рублей плыли! Плавали мы в лаптях, не в сапогах резиновых, в лаптях. Как встали в воду, так промокли. Весь день ходишь мокрый. Вот как было.

Плавали и ребятишки⁴. Спали на нарах: сверху – ребятишки, внизу – девчонки. Боцман у нас был, назывался этот, который командовал. Сделана была для него такая вышка. Он стоит там. Реи были и бабки такие приколочены. И он управлял.

Люди нигде не бывали, а я все прошла. Нужда меня трясла. Налоги были большие, нужно было платить.

В тексте, который является фрагментом монолога о жизни, отражена крестьянская ментальность: отношение к работе, к окружающему миру, представление о порубежье, границе между двумя реками, как о магическом месте. В тексте хорошо просматриваются логические связи. Рассказ носит очень личный характер, окрашен переживаниями по поводу прошлого, раскрывает характер героини: ей все интересно, она умеет работать, любит петь, плясать, знает обычаи и уважает их. По степени искренности, по эмоциональной окрашенности ее рассказ похож на монолог Катерины из «Грозы» А. Н. Островского.

Начало текста, первые пять предложений, даются в информативном регистре, представляя собой введение в ситуацию. Основное действие разворачивается в изобразительном регистре и происходит как бы на наших глазах. Предложения, относящиеся к информативному регистру, вкраплены в рассказ для пояснения или подчеркивания достоверности изложенного. Повествование о прошлом ведется то в настоящем, то в прошедшем времени с использованием глаголов несовершенного вида, что создает пространственную перспективу в повествовании, намечает широкий план прошлого. Определенно-личные по форме конструкции употребляются с обобщенно-личным значением. Протяженность и интенсивность действия передается глагольными повторами (иконичность).

Последний абзац так же, как и начало, дан в информативном регистре, таким образом, приведенный фрагмент имеет «рамку». Рассказчица сравнивает себя с другими: *Люди нигде не бывали, а я все прошла...* Это обобщающее высказывание соединяет приведенный эпизод с остальным повествованием о нелегкой жизни героини.

Примечания

¹ Сойма – управляемый плот для сплава леса.

² Рубец – рубеж, граница.

³ Хулиганят – шутят.

⁴ Ребятишки – молодые ребята.

Древнерусские формы в лексике русского островного говора Азербайджана

Э. А. Гейдарова

Бакинский государственный университет (Азербайджан)

История русского языка, диалектология

Summary. The Old Russian forms in the vocabulary of the Russian dialect of Azerbaijan. The Russian dialect of Azerbaijan is the dialect language of the Russian settlers in Azerbaijan who came in the first third of the XIX century. The study of this dialect began in the fifties of the XX century, but all collected material was systematized and presented as a glossary only in 2005. It made it possible to study this dialect from the historical point of view. The data from the "Glossary of the Old Russian language of the XI–XIV centuries" and the vocabulary of the Russian dialect of Azerbaijan were compared. In the process of research were revealed about 200 Old Russian forms that had been lost by the literary language, but they were preserved and came down to nowadays.

Русский островной говор Азербайджана – это диалектный язык русских переселенцев, которые появились в Азербайджане в первой трети XIX века. Он сформировался из разных диалектов русского языка и в иноязычном окружении приобрел ряд общих черт, позволяющих представить его как одну из групп южновеликорусского наречия. Островным он называется потому, что не образует сплошного, компактного ареала и разбросан островками на территории Азербайджана.

Ф. П. Филин во введении в «Словарь русских народных говоров» (М.; Л., 1965. Т. 1. С. 5) пишет: «Для словаря имеют интерес и те русские говоры, которые находятся в иноязычном окружении, т. к. в таких говорах могут сохраняться особенности, утраченные или слабо отраженные в основном русском диалектном массиве». Исходя из этого, определенный интерес представляют и данные русского островного говора Азербайджана. Несмотря на то, что изучение его начинается с 50-х годов XX века, весь собранный диалектный материал был систематизирован и представлен читателям в виде словаря только в 2005 году. Тем самым представилась возможность исследовать, в частности с исторической точки зрения, это нивелирующееся уникальное языковое явление.

Как известно, современные говоры являются одним из источников истории языка. В тех случаях, когда явления живого языка отражаются в памятниках письменности, их интерпретация часто требует обращения к фактам современных говоров. В этом плане актуальным представляется исследование лексики говоров с целью выявления древнерусских форм, утраченных литературным языком в процессе его развития.

Сопоставление данных «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» и лексики русского островного говора Азербайджана привело к выявлению достаточно большого количества слов, не нашедших отражения в современном литературном языке:

блзнить (др.-рус. *блзнити*) – *соблазнять*; **блискать** (др.-рус. *блискати*) – *блестеть, сиять*; **вечерять** (др.-рус. *вечеряти*) – *ужинать*; **даве** (др.-рус. *давѣ*) – *недавно*; **зимусь** (др.-рус. *зимоусь*) – *зимой*; **кура** (др.-рус. *коура*) – *курица*; **муравель** (др.-рус. *муравель*) – *муравей*; **неможно** (др.-рус. *неможно*) – *нельзя*; **непогодь** (др.-рус. *непогодь*) – *непогода*; **огорожа** (др.-рус. *огорожа*) – *ограда*; **особливо** (др.-рус. *особливо*) – *особенно* и другие.

В говоре зафиксирована уменьшительно-ласкательная форма **касаточка** – *ласточка*. В «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» имеется слово **косатъка** – *вид птицы (о ласточке?)*. Значение его остается неуточненным. Данные нашего говора позволяют подтвердить предположение авторов словаря, что речь идет именно о ласточке. К тому же эта форма употребляется во многих русских говорах и нашла отражение в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (М., 2005).

В некоторых словах говора произошла утрата многозначности, например: **веред** – *нарыв, гнойник* (др.-рус. *вередь* – 1) вред, зло; 2) ядовитое вещество, яд; 3) болезнь; *нарыв, гнойник*); **жалиться** – *жаловаться* (др.-рус. *жалитися* – 1) сожалеть, горевать; 2) жаловаться); **надѣжа** – *надежда* (др.-рус. *надежа* – 1) надежда; 2) тот, на кого надеются); **наскрозь** – *насквозь* (др.-рус. *наскрозь* – 1) насквозь, через всю толщу; 2) на всем протяжении чего-либо) и другие.

В русском островном говоре употребляется форма **посалом** (др.-рус. *псаломъ* и *пъсаломъ*) – *псалом*. В старославянском языке в этом слове греческого происхождения между согласными **п** и **с** появился **ъ**, т. к. группа согласных **пс** нарушала принцип построения слога по восходящей звучности (считается, что смычные согласные более звучные, чем фрикативные). После утраты редуцированных гласных в диалектах нередко происходила незакономерная вокализация слабых **ъ**, **ь** с целью разбить появившуюся группу согласных, что привело к появлению таких форм, как **посалом**.

Выявленные древнерусские формы можно разбить на 2 группы:

1. слова, включенные в толковый словарь современного русского языка, но имеющие определенные стилистические пометы: **брехать** (др.-рус. *брехати*) – *лаять*, **выя** (др.-рус. *выя*) – *шея*, **младость** (др.-рус. *младость*) – *молодость*, **перст** (др.-рус. *пърсть*) – *палец*, **одежа** (др.-рус. *одежа*) – *одежда*, **швец** (др.-рус. *швьць*) – *портной* и другие.

2. слова, утраченные литературным языком и не нашедшие отражения в толковом словаре: **морква** (др.-рус. *морква*) – *морковь*, **окиснуть** (др.-рус. *окиснути*) – *прокиснуть*, **отдарок** (др.-рус. *отъдарькъ*) – *ответный подарок*, **свекры** (др.-рус. *свекры*) – *свекровь*, **середа** (др.-рус. *середа*) – *среда* и другие.

В ходе предварительного исследования было выявлено около 200 древнерусских форм, сохранившихся и дошедших до наших дней в русском островном говоре Азербайджана.

Когнитивная диалектология: проблемы и перспективы

Т. А. Демешкина

Томский государственный университет

Диалектология, когнитивистика, семантика

Summary. Cognitive dialectology is a new and developing field of science. It has its own object, its own aspects, methods and sources of research. Cognitive branch of dialectology developed due to the interest of modern dialectology to the functional and anthropocentric aspect of language.

Когнитивная диалектология – новая отрасль знания, формирующаяся под воздействием общих идей когнитивистики. Особенность диалектологии как науки заключается в том, что она, с одной стороны, развивается на основе базовых теоретических положений лингвистики, с другой – детерминируется в значительной степени особенностями материала исследования.

Когнитивная диалектология имеет собственный объект изучения, характеризуется аспектами, методами, источниками исследования.

Проблемы, стоящие перед когнитивной диалектологией, отчасти связаны с общей проблематикой когнитивистики, отчасти обусловлены спецификой изучаемого объекта – диалектным языком.

Когнитивное направление позволяет эффективно решить многие задачи, стоящие перед диалектологией, поскольку обращено к изучению способов восприятия, «упаковки», передачи знаний в диалекте как особой форме коммуникации. В настоящее время интенсивно осуществляется описание форм, отражающих познавательную сторону речевой

деятельности. Представлены ключевые концепты диалектной культуры через описание структуры лексического значения слова, выявлены способы языкового воплощения пропозиций, отражающие специфику диалектного мышления, архаичность крестьянского сознания, обращено внимание на особенности передачи знаний в диалекте.

Особую проблему когнитивной диалектологии составляет выделение аспектов исследования. На данном этапе можно выделить методологический, сопоставительный, лексикографический, лингвокультурологический аспекты. Как представляется, наиболее значимым для диалектологии является разработка лингвокультурологического направления.

Подобное описание позволяет представить диалектную культуру как часть общей культуры русского народа и сместить акценты в понимании диалекта как низшей формы по отношению к литературному языку.

Предпосылки развития когнитивного направления в диалектологии заложены в том, что диалектология в значительной мере предвосхитила многие из тех положений, которые сегодня активно разрабатываются современной лингвистикой. В частности это касается принципов антропоцентризма, функционализма, изучения метаязыкового сознания, интегративности, междисциплинарности, на основе которых осуществлялись диалектологические исследования.

Проблемы, вытекающие из специфики диалекта как формы коммуникации, заключаются в разработке методологии

исследования и в отборе материала. Проблема методов в когнитивной диалектологии является более острой, чем в общей когнитивистике. Так, например, в диалекте, по сравнению с литературным языком, значительно ограничен метод интроспекции, основанный на исследовательской интуиции. Более адекватным является опора на контексты, отражающие размышления информантов об устройстве мира, этической и эстетической значимости предметов.

Источниками изучения диалектной концептосферы являются словари, отражающие народную речевую культуру. Вместе с тем, когнитивное направление ставит перед исследователями задачу создания диалектных словарей нового типа, предполагающих лексикографирование не лексем, а ключевых концептов народной культуры с опорой на текстовый материал, требующий современных методов сбора и обработки. Источниками когнитивного исследования должны стать не только высказывания носителей диалекта о своем языке, но и высказывания-суждения, выражающие наивную философию. В круг источников должны быть включены письма, воспоминания диалектоносителей.

Таким образом, в перспективе развития когнитивного направления в диалектологии входит расширение круга источников исследования, обоснование теоретико-методологических положений, дальнейшая разработка аспектов исследо-

Малому не наиграться, старому не належаться, серёдка годов не наробиться: половозрастная стратификация и термины родства в архангельских говорах

И. Б. Качинская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Русская диалектология, термины родства, языковая картина мира

1. Понятия 'старый' и 'молодой' в обычном случае являются антонимичными: *Я говорю: малы растут, стары стареют. Так сделалось: молодые не йдут, старые умирают.*

В то же время дети и старики часто объединяются, попадают в одну группу, противопоставляются взрослому населению: *Што у старых, то и у малых. На веку-ту бывають глупы два рас: стар да мал. Досук ли, стар-дитя, дома?*

Объединение *старых* и *малых* может означать не только стариков и детей, но обозначать все население в целом: *На чужой сторонке жить – надо фсем уноровить, старому и малому, надо быть удалому. Во время войны стары да малы робили, эка оказия не была. Фсех гоняли до старово и до малово.*

2. Противопоставление *старый* – *молодой* (*малой*) далеко не всегда соответствует представлениям о реальной старости или молодости. Человек может восприниматься не вообще старым или молодым, а старым или молодым по сравнению с кем-н. или по отношению к чему-н.: *Молоды сели на пензию, пядесяд годоф-то. У Кати молодая старуха умерла, 78 ли нет годоф. Он старбень, йему трицать пять ужэ. Волоцька у ней молодец, хоть и старой по ней.*

Женщина, не вышедшая замуж, оказывается 'старой девой'. Она *старая дева* (*старая девка* / *девочка* / *девушка* / *карга* / *кока* / *косоплётка* / *кочерга* / *кура*, *посидельница* / *тётка*, *девка старокосая*): *У йей людно робят, да старая девоцька была. Стара косоплётка, замуш не вышла и фсё одну косу плетёт.*

Вовремя не женившийся мужчина, старый холостяк, – *старой парень* (*старой парничёк* / *молодец* / *кобель*): *Парень с нами ходил старый – он не жанивался. У меня парничёк-то уш старой. Ну и бегай старым парнём, йих тут много бегает.*

3. У понятий *старый* – *молодой* применительно к лицам довольно значительная сочетаемость и фразеология.

'Младший': *малой брат*, *малая сестра*, *малая дочь* / *дочи* / *дочка*, *малая девка* / *девушка* (младшая дочь), *малой сын*, *малой парень* (младший сын); *малая хозяйка*, *малая сноха* (жена младшего сына, брата);

'Молодой': *молодой мальчик* / *парень* / *молодец* (молодой человек; юноша); *молодой мужик* / *мужчина*; *молодая девушка* / *девица*; *молодой народ*, *молодые люди* (молодежь); *молодая молодница* (сноха); *молодая княгина* (неве-

ста), а также *малой человек* (ребенок), *малая родня* (далекая, неблизкая родня).

'Старой' – 'прежний': *старая жена* / *жонка* / *мать* / *матка*; *старой муж* / *мужик* / *хозяин*; *старая родня*; 'старший': *старая сестрёнка*; 'старый': *старой* / *старинной дедушка* (прадед): ([А прадедушку как называли?] – *А старой дедушко, наверно. Стариком-то уж грубо будет. Нет што-то старых дедушкоф у нас, не живёт никто до правнукоф*); *старинные бабушки* (много знающие старые женщины); *старик* – *старой человек* / *старичёнок*, *старое дело* / *старик*; старая, пожилая женщина – *старая вешалка*, *вешалка* / *кляча* / *кожа* / *кокора* / *корга* / *рожа* / *собака* / *старуха* / *старушка*; старики – *старые старики*, *старинные люди*, *старой народ*.

4. Значителен ряд существительных, производных от лексем *старый*, основные значения – старый человек; старший член семьи; главный, обладающий властью человек; дед; бабушка; родители; предки.

Значителен ряд производных от лексем *малой* / *молодой*, основные значения – маленький ребенок; младший член семьи; младенец; ребенок; мальчик; юноша; девушка; молодая женщина; сноха.

Производность достигается не только путем суффиксации, но и с помощью субстантивации. При этом возникают существительные не только в мужском, женском роде и во множественном числе, но и в среднем роде (средний род подтверждается не только грамматически, но иногда и на уровне синтаксической сочетаемости). *Малое* – 'младший ребенок по сравнению со старшими': *Ну уш не очень мало, бегат само. Вод два глупых-то быват: одно старо, друго мало. Молодое* – 'молодежь', 'молодое поколение': *Молодо росёт а старо старица. Старое* – 'пожилая женщина': *Ой, ницево я не помлю, ой, фсё старо дико* (о себе).

5. Возрастная номинация соответствует терминам родства и свойства. *Малая, молодая* – в знач. сущ. – это девочка, дочь (маленькая; младшая); *молодая* – невеста; молодая жена сына, невестка; женщина в первый год брака (ср. *молodka*, *молодица*, *молодуха*). *Малой, молодой* – в знач. сущ. – мальчик; сын (маленький; младший); молодой человек. *Молодой* – жених; молодой муж дочери, зять; мужчина в первый год брака, *молодые* – в знач. сущ. – молодежь; молодые люди; а также жених с невестой; молодожены; муж и жена в первый год брака.

Старик (**старичёк**, **старой** – в знач. сущ.) – это не только старый человек, но и родной дед; состарившийся отец; свекор; муж в отношении к своей жене, если семейная пара имеет внуков. Структура значений в принципе соответствует структуре значений слов **дед**, **деда**, **дедо**, **дедушка**, **дедушко** и пр., где также имеются все указанные значения, и, в свою очередь, значение ‘старый человек’. Слово **старуха** (**старушка**, **старая** – в знач. сущ.) обладает всем объемом значений, связанных с терминами родства (сравни **бабка**, **бабушка**). Параллельно устроено мн. ч.: **старикки** (**старые** – в знач. сущ.) и **деды**, **прадеды**. Это и родители (*Двое старых было – татка да мамка*); предки (*Щаз бы старикоф*

поднядь бы сюда наверх, дак они с ума бы сошли, фсё кругом пошло, фсо утащено. – Детки-прадетки сказывали, хлел сеяли на муськово человека, сколько земли давали).

Термины родства используются для обозначения животных, в осмыслении космологии и мифологии, в названии растений, для обозначения предметов. То же происходит и с соответствующими понятиями *старый – молодой*. ‘Мифическое существо, обитающее в лесу’, – не только **дедко лесной**, **дедко лешов**, **дедушко лесной**, **дедушко-лесовичёк**, но и **лесной старик**, **старичёк**, **старичёк-лесовичёк**. В обо-значении предметов: *А посередине – это называеца старик, или бабочька* (‘столб, поддерживающий стропила дома’).

Реликты *бы*, *было*, *буде*, *бывает*, *бывало*

С. К. Пожарицкая

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Частица, союз, модальность, плюсквамперфект

Реликтами мы называем слова, генетически восходящие к формам глаголов *быть*, *бывать*, но утратившие как формальную, так и функциональную связь с глаголом – т. е. неизменяемые слова, лишённые предикативной функции, развившие другие значения и пополнившие собою другие части речи.

Набор таких слов в диалектах – *бы*, *было*, *буде*, *бывает*, *бывало*. Материалом для исследования послужили собственные наблюдения автора и сведения из Архангельского областного словаря (Вып. 2, М., 1982; далее – АОС).

Бы. Морфологический статус этой частицы как формообразующего элемента формы сослагательного наклонения является общерусским. Синтаксический же аспект ее функционирования имеет ярко выраженную диалектную специфику, которая проявляется в том, что *бы* употребляется в контекстах с предикатом настоящего времени, выраженным простым глагольным либо составным именным сказуемым, обычно в препозиции к нему (*я бы поваляеце тожо люблю на кровати да; мне бы не нравилеце так-то жить-ту; рвите бы лук-от, я не жалю; там бы Сарава есть, хорошо поет; одной-то бы петь-то бы худо; она бы женщина трудолюбивая, работающая*). Частица *бы* в таких контекстах представляется избыточной; можно предположить, однако, наличие у нее функции смягчительной модальности, которая могла бы быть передана вводными словами *вообще-то*, *пожалуй*.

Другой характерный контекст употребления *бы* – двухчастные конструкции с сочинительной связью противительного типа с союзами *а*, *да*, *дак*, *ну*, *только* во второй части (*Олёшка тожо бы любит цветы, да ему некогда; я ничего не испекла: мука бы есть, дак дрожжей нету; она понимает бы в медицине и роботат бы хорошо, да спилась; и время бы есть, и на роботу бы не идти, да сила не забрала; у ней больша бы комната, ну холодно, зимой нельзя жить*). Частица *бы* является при этом составной частью (коррелятом) двухместного союза. В некоторых контекстах отношения частей могут быть интерпретированы как подчинительная связь уступительного типа, где значение *бы* приближается к значению союза *хотя* (*у нее хотя и большая комната, но зимой жить нельзя*).

Буде. Судя по материалам АОС, *буде* не встречается (или почти не встречается) в северо-восточных районах (Мезенском и Лешуконском). Выделяется северо-западный ареал, где *буде* функционирует только как сравнительный союз, эквивалентный литературному *как*, *будто* (Онежский и Приморский р-ны): *у его рубашка с начёсом, буде байка; все ляжи полны водой, буде колодцы стоят; она [церковь] там буде чаечка беллет; идет – дак четыре пролехи, буде вся прирвана идет*. На всей остальной территории *буде* функционирует как: 1) условный союз; одноместный (*я задавлюся, буде ты не пойдёшь за меня замуж*) либо в составе двухместного союзного соединения с соотносительными союзами *дак*, *тогда* в главной части (*буде хороша погода дак погребите; буде будете [пить], дак я налью [чаю]; буде поедешь, тогда посмотри*). В этом значении *буде* изредка встречается в литературных текстах, стилизованных под архаичность; 2) Частица с субъективно-модальным значением,

которое может быть определено как смягчительно-предположительное (‘пожалуй’, ‘разве что’, ‘кажется’, ‘возможно’) с некоторыми дополнительными оттенками значения (*одна тут есть дак пять буде было [детей]... буде всех уж сдала в детдом... ну что толку, нарожала да сдала... лучше бы уж не рожала буде, на аборт ходила, чем государству воспитывать; вы булку-то ешьте, мне Дуська опять буде принесет; сейчас у них экзамен, дак буде на тракторку придет ненадолго; я буде утром позвоню; поди буде ты в президенты!*).

Было, не согласованное с глагольной формой прошедшего времени сказуемого, в говорах не образует конструкции, специализированной для выражения «антирезультатива» или «недействительного наклонения» (лит. *хотела было пойти, да не пошла; пошла было, но вернулась*), о чем свидетельствует преимущественное употребление *было* в конструкциях с одним сказуемым, допускающим любую последовательность дальнейших событий, в том числе, и обратную (*бабушка меня научила было; четверо детей было выростила; восемнадцат человек влезали в чум было; было робота была, мы сначала в колхоз зашли, а они было не зашли; это я упала было, а досадила наверно, и у меня что сделается, да я было ни сонуться, ни разознуться не могла; так все хорошо было жили – пожар всё огрѐб, всё опаннул; успенё было праздновали – сейчас не празднуют*).

В таком употреблении, как и в «антирезультативном», *было* является частицей – глагольным детерминантом, который вводит рассказ о таком прошлом событии, результаты которого не актуальны для настоящего. Эти конструкции, не являющиеся грамматической формой плюсквамперфекта, можно считать синтаксическим выражением плюсквамперфектности, понимаемой не только как эксплицитное выражение «предпрошедшего» действия, но и как значение «преждепрошедшего». Об этом особенно убедительно свидетельствуют такие контексты, где *было* сосуществует с формами не-прошедшего времени, но включенными в рассказ о прошлом: *гороху своего было наростет, не покупали; из жита крупы намелют было; а хлеба-то где было возьмешь? а он как валят было косит, дак скосит дак что выбреет; детей нету было*.

Бывает. Варианты этого слова *бывае*, *бываѐт*, *бываѝ*, *быва́*, *бай*, *вай*, *бат*, *ба*, *буваѐ*, *буваѝт*, *бува́* семантически тождественны, и звуковой состав их, в том числе, степень эллиптированности, зависит от свойств их позиции во фразе. Опираясь на акцентные свойства слов, можно считать двух- и трехсловные структуры, имеющие самостоятельный акцент, модальными (или вводными) словами, а однословные безакцентные – модальными частицами. В том и другом случае значение их – субъективная оценка возможности того или иного события, той или иной его оценки. И для тех, и для других возможно инициальное положение в высказывании: *наше-то пиво бывае вам и не поглянеце; с песком хорошо, а так-то бывай и кислогато; бывай не лучше ли засплю? Репа-то насеяна, она бай не вырастет; у ней ба восьмой он; наболтаю бат чего негоже; ба всем не вымыцца, байна низка да*.

К вопросу об изучении тамбовских говоров в рамках регионального компонента федеральной программы подготовки учителя-словесника

Г. А. Татаринцева

ГОУ ВПО «Мичуринский государственный педагогический институт»

Диалекты, диалектизмы, говоры, наречия, актуальное членение

Summary. As the main idea of communication the language reacts at all the changes taking place in people's life.

Как показывает материал диалектологических экспедиций, в сельской местности говоры и по сей день являются важным средством повседневного общения. Совершенно ясно и понятно, что вместе с принципиальными изменениями в обществе изменились и масштаб, и формы использования диалектных слов. В настоящее время исходный диалектный материал сохраняется лишь в речи старшего поколения жителей Тамбовской области, живущих постоянно в данной местности; в прошлом их контакты с людьми, говорящими на другом диалекте, были минимальными. У представителей же младшего поколения начинают изменяться определенные свойства, а также функциональное использование традиционного говора, деформирующегося под влиянием других образований национального языка. Особенно значительным оказывается влияние норм современного литературного языка, что, прежде всего, и отражается в лексике. «Как важное средство общения» язык реагирует на все происходящие изменения материальной и духовной жизни народа. Словарный состав диалектной лексики представляет собой яркий образец наиболее чувствительного звена языка к тем процессам, которые происходят в обществе, то есть в жизни людей.

На сегодня наметилось особое направление в связи с изучением тамбовской диалектной лексики по Программе собирания сведений для Лингвистического атласа русских народных говоров.

Планомерное изучение лексики тамбовских говоров, как отмечает С. В. Пискунова, ведется с 1989 года в связи с подготовкой материала для диалектологического атласа. В настоящее время кафедра русского языка ТГУ имеет прочные связи с Институтом русского языка, Институтом лингвистических исследований АН, участвуя в подготовке Лексического атласа русских народных говоров.

Тамбовская диалектная лексика, приспособленная к акающему произношению, отражает типичные фонетические, словообразовательные, морфологические и другие особенности, характерные для южнорусских говоров в целом.

Исследования локальных групп диалектной лексики, сформировавшиеся на территории позднего заселения, Л. И. Баранникова выделяет особенно. «Существенно своеобразие

протекания эволюционных процессов в говорах территории позднего заселения на лексическом уровне...»

Можно выделить следующие эволюционные процессы в лексических системах данной территории:

1. Характер эволюции диалектных систем в современных условиях зависит от многих факторов, в том числе и от особенностей их территориального расположения. Тамбовские говоры в силу своеобразных условий их формирования и последующего бытования отличаются более активным протеканием эволюционного процесса, что проявляется в усилении его интенсивности и сложности.

2. Интенсивность изменения диалектной системы усиливается наличием в непосредственном соседстве разнотипных говоров, что приводит не только к проникновению в говор других диалектных единиц, но и способствует значительному влиянию на них литературного языка. Это объясняется многими причинами. Наблюдается открытость диалектной системы, отмечается коммуникативная недостаточность системы данного говора, что и приводит к необходимости использования других диалектных элементов в процессе повседневного общения в разных ситуациях, языковое сознание диалектоносителей впитывает другие варианты общенародного языка.

Формирование игровой диалектной лексики на Тамбовщине шло на протяжении длительного времени под влиянием различных факторов: социально – экономических, географических, политических и других. Особое место среди них принадлежало различного рода взаимовлияниям угрофинских племен, издревле населявших большую территорию данного региона, и славянских народов.

Таким образом, региональное своеобразие русской речи во многом зависит от ряда лингвистических факторов. Как уже подчеркивалось, отличительной особенностью лексики тамбовских говоров является то, что она создавалась в условиях особой коммуникативной ситуации, когда в сравнительно короткий срок вырабатывались единые наименования тех или иных реалий.

В создавшейся ситуации происходила перестройка говоров и вырабатывалась единая системная организация словаря среди переселенцев из других областей и исконных жителей данного края.

Синхронический и диахронический аспект изучения лексики одного говора

Н. Г. Шубина

Старооскольский филиал Белгородского государственного университета

Современные русские говоры, их разрушение и трансформация, говоры и литературный язык

Summary. The modern dialects transform and keep their specific feature. The interaction of literary language and Russian dialects on contemporary stage. The description of one dialect as factors influencing on the developing of the dialectal language.

Изучение говоров в настоящее время позволяет не только выявить и сохранить ценнейшие сведения о традиционных русских народных говорах, но и помогает глубже осознать структурное, семантическое и стилистическое богатство русского языка, проследить влияние народной речи на становление и развитие литературного языка, а следовательно, ответить на многие вопросы истории языка и истории народа, на вопросы этнодиалектного членения русской территории.

Современные русские говоры, хотя и испытывают сильное влияние русского литературного языка, но все же, несмотря на исторические катаклизмы, всеобщую грамотность, влияние средств массовой информации, сохраняют свою специфику. В речи людей старшего и среднего возраста, а также в речи маленьких детей, воспитывающихся деревенскими бабушками и дедушками, мы находим фонетические, лексические и даже морфологические особенности собственно диалектного языка. При этом диалекты под влиянием литературного языка заметно изменяются: разру-

шаются или трансформируются системы всех уровней и ярусов диалектного языка.

Однако изменение лексической системы говора связано не только с влиянием литературного языка. Так, например, традиционно считается, как отмечает И. А. Осовецкий, что в лексической системе говора нет историзмов: устаревшие слова в говоре частично удерживаются только в памяти носителей говора и выпадают из него уже при жизни следующего поколения ([4]). Для современной же лексической системы говоров характерно наличие такого рода лексики, которая уже не имеет опоры в окружающей действительности и сохраняется только в памяти старшего поколения, причём уже нередко с измененной семантикой ([4, 7]). Процесс выпадения такого рода лексики из говора связан с внеязыковыми факторами и не имеет никакого отношения к воздействию на говор литературного языка. Это положение подтверждается и проведенным нами исследованием лексики жилых и хозяйственных построек говора с. Городище

Старооскольского района Белгородской области в синхроническом и диахроническом аспектах.

В современных говорах фиксируются слова, совпадающие с соответствующими словами литературного языка в звуковом отношении, но отличающиеся от них семантически. Среди них много таких, которые полностью различаются с литературными словами по значению (или различались исконно). У таких диалектных лексем под влиянием соответствующих слов литературного языка развивается новое значение, совпадающее с литературным; при этом собственно диалектное значение так же сохраняется. Примеры подобных процессов мы также находим и в южнорусских говорах. Например, говор с. Городище, наблюдаемый нами в течение 10 лет, как и все русские говоры, испытал и продолжает испытывать сильное нивелирующее влияние общенародного, в том числе литературного, языка, что выразилось в устаревании одних слов и значений и появлении других (это обусловлено как собственно языковыми, так и культурно-историческими причинами: изменением строительного материала, влиянием строительной моды и пр.). Исследование говора с. Городище показало, что в течение XX в., особенно 2-й его половины, многие строительно-хозяйственные наименования, бытовавшие в говоре, стали либо архаизмами (*потолок* в значении «помещение между перекрытием и крышей», *светёлка*, *судница* и др.), либо историзмами в связи с утратой реалий быта (*землянка*, *связь*, *двойник*, *закуток*, *земь* и пр.), на смену которым пришли новые наименования старых и новых артефактов (*зал*, *спальня*, *кухня*, *коридор* и др.). Подтверждаются наблюдения И. А. Оссовета, писавшего о том, что утрата той или иной реалии в деревенском быту ведет к тому, что у слов, обозначающих такие реалии, круг бытования «неуклонно сужается, а сами слова постепенно выпадают из говора» [3, 204].

Известное в науке положение о том, что в составе говора функционально не только объединяются, но и становятся равными по своей значимости элементы местные и общенародные и что последние, как правило, подвергаются диктату системы отношений в говоре, модифицирующей семантику общенародных слов, как правило, в сторону ее сужения, конкретизации, это положение ярко реализуется также в кругу наименований жилых построек и их частей говора села Городище и других старооскольских говоров. К словам такого типа мы относим здесь *дом*, *двор*, *усадебка* и др., характеризующиеся спецификацией их лексического значения. Естественно, утрата говором слов с семантикой такого рода под влиянием литературного языка протекает замедленно, поскольку местные и литературные слова семантически не тождественны. Так, в говоре с. Городище слово *потолок* в значении «помещение между перекрытием и крышей в постройке с четырехскатной крышей, чердак» употребляется наряду со словом *чердак*, с помощью которого называют иную реалию – помещение между перекрытием и крышей в постройке с двускатной крышей, имеющей

чердачные окна на фронтонах. Следовательно, воздействие литературного языка меняет соотношение значений и оттенков значения диалектного слова, что приводит к перестройке его семантической структуры.

Анализ одной и, тем более, нескольких тематических групп лексики одного говора способствует адекватному познанию внутренних пружин и внешних воздействий, обуславливающих жизнь, а значит, развитие говора, в связи с единством территории и реальностью такого говора как системы, как организованного единства ([5, 78]). Исторический же подход к анализу названной выше тематической группы в одном из южнорусских говоров позволяет получить ценный материал для изучения проблемы, связанной с ролью южнорусского наречия и формирования русского национального языка, прежде всего его литературной формы. Так, слово *изба* в современных старооскольских говорах не используется, оно – достояние преимущественно северного диалектно-этнографического массива, в то время, как в прошлом оно бытовало и на территории Осколя.

В челобитной, поданной в Осколе в 1625 г., читаем: «зжог гсдрь тот Василей у меня *избу* новую... а цена гсдрь моей *избе* востм рублев» [ЦГАДА. Ф. Разрядный приказ, Разрядный стол. Стлб. 15. Л. 49]. Лишь позже (видимо, под влиянием украинского языка), в говорах, примыкающих к украинскому языку, появилось слово *хата*. Эти факты подтверждают мнение С. И. Коткова, что в прошлом между северными и южными говорами русского языка наблюдалось большее сходство, чем в настоящее время ([1]). Ученый в свое время высказал обоснованное сомнение в том, что основой русского языка были лишь говоры севернорусские ([1], [2]). Несомненно, что южнорусские говоры также должны были принимать в этом процессе значительное участие; кроме того, эти говоры как говоры старой коренной южновеликорусской области сложились отнюдь не в XVI–XVII вв., а гораздо раньше ([1, 34]). Подтверждающие факты этой гипотезы можно обнаружить при изучении парадигматических отношений в диалектной лексике малоизученных говоров юга России.

Литература

1. Котков С. И. Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников письменности // Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962.
2. Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков. М., 1970.
3. Оссоветский И. А. Словарь говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964.
4. Оссоветский И. А. Лексика современных русских народных говоров. М., 1982.
5. Раков Г. А. Проблемы и методы исследования диалектной лексической семантики как системы. Дисс. ... докт. филол. наук. Томск, 1989.